

Л. Ф. НЕЛИДОВА О СЛЕПЦОВЕ

Публикация М. Л. Семановой

Автор публикуемого «биографического очерка» о Слепцове — писательница Лидия Филипповна *Нелидова* (1851—1936) — была гражданской женой Слепцова в последние годы его жизни. Написанный ею через два с половиной года после смерти Слепцова краткий «биографический очерк» писателя остался ненапечатанным. Возможно, что это произошло потому, что у Нелидовой возник новый замысел — написать роман о Слепцове, создать «живой образ» его*.

При всей эскизности публикуемого наброска он представляет определенный интерес как источник сведений о Слепцове, исходящих от близкого ему человека. Следует, однако, заметить, что едва ли Нелидова в полной мере понимала и разделяла демократические убеждения Слепцова. Даже из романа «На малой земле» ясно, что она не принимала, например, манеры изображения Слепцовым народа.

В публикуемом «биографическом очерке» заслуживают внимания слова Нелидовой о глубокой неудовлетворенности Слепцова своим творчеством в последний период жизни: «Всё не то, не то...». Это вполне совпадает с его жалобами в письме к Некрасову от февраля 1871 г.: «Я вам рассказывал, что у меня бывают припадки отчаяния и омерзения к тому, что я пишу...»¹. Интересно сообщение о новых замыслах писателя, собиравшегося работать над народной драмой и над пьесой в духе «Последней жертвы» Островского (замыслы эти остались неосуществленными).

Важно свидетельство Нелидовой, знавшей Слепцова в последние три года его жизни, о том, что, вопреки распространенному мнению, он не был одинок, сохранил до конца дней дружеские отношения с Некрасовым и с другими сотрудниками «Отечественных записок», в частности, с Салтыковым-Щедриным. В самом деле в письмах к Нелидовой и к матери из Петербурга в 1875—1876 гг. Слепцов называет Некрасова в числе своих «лучших друзей», сообщает о встречах с ним². К Некрасову и Салтыкову-Щедрину обращается он в тяжелые дни болезни за помощью, на что они немедленно откликаются³.

Представляет определенный интерес следующее беглое упоминание Нелидовой о судьбе литературного наследия Слепцова: «Первое издание его сочинений давно разошлось; второе печатается и должно выйти в непродолжительном времени». Мы знаем, что после первого издания сочинений Слепцова 1866 г. следующее появилось лишь в 1887—1888 гг. Но, по-видимому, мысль о новом издании возникла сразу после смерти писателя и не только возникла, но и начала осуществляться.

Вот некоторые факты и свидетельства, относящиеся к этому заявлению Нелидовой и комментирующие его: 1 апреля 1878 г., т. е. через несколько дней после смерти писателя, петербургский книготорговец Н. Тузов обратился к родным Слепцова с просьбой

---

* Об этом замысле, ставшем «исключительным желанием всей жизни» Нелидовой, — см. ниже сообщение Л. А. Евстигнеевой «Роман Л. Ф. Нелидовой „На малой земле“», как источник для биографии Слепцова). Независимо от Л. А. Евстигнеевой, рукопись романа, а также относящиеся к ее созданию письма В. З. Вороиной и Л. Ф. Нелидовой, были изучены и подготовлены для использования в печати также и автором настоящей публикации. — *Ред.*

«немедленно сообщить», кому принадлежит право издания его сочинений, и выразил желание «приобрести право навсегда или же на одно издание»⁴. В августе 1878 г. в № 199 «Московских ведомостей» было напечатано такое обращение: «Лиц, имеющих право на издание сочинений Василия Алексеевича Слепцова, просят сообщить свой адрес „Центральной библиотеке“, находящейся в Москве, на углу Тверской и Чернышевского переулка».

В письме к Нелидовой (без даты, конца 1870-х годов) мать Слепцова, Жозефина Адамовна пишет: «Как идет издание нашего незабвенного? Хорошо бы издать главу из его „Хорошего человека“, она очень хорошо пригодится. Он ее написал незадолго до знакомства с вами»⁵. Таким образом, вскоре после смерти Слепцова действительно предпринимались попытки выпустить новое издание сочинений писателя, но по каким-то обстоятельствам издание это не было осуществлено.

В «биографическом очерке» глухо упоминается о переменах в личной жизни писателя: «...он почувствовал себя спокойным и счастливым». Здесь имеется в виду сближение Слепцова с Нелидовой⁶. История их отношений документируется сохранившимися в бумагах Нелидовой письмами к ней Слепцова⁷.

Из писем этих мы узнаем, что Слепцов сумел угадать в светской молодой женщине, только что пережившей личную трагедию (первый муж ее — А. Ламовский кончил самоубийством), будущую писательницу, и не только угадать, но и поддержать, развить в ней лучшие качества ее натуры. «Я верю в тебя, в ту силу, которую вложила в тебя сама природа и которую всеми зависящими от них мерами всячески стараются ослабить», — пишет Слепцов Нелидовой в конце 1875 г.⁸ Он хлопочет о цензурном разрешении рассказа Нелидовой «Дело прошлое»⁹, помогает ей в работе над повестью: «Работа Лидии Филипповны подвигается медленно, — читаем в его письме к Некрасову от 3 августа 1875 г., — мы перечитываем и всё поправляем; но зато, кажется, это будет превосходная вещь, если я не совсем потерял чутье»¹⁰. 29 июня 1877 г. Слепцов пишет Нелидовой из Пятигорска: «Повесть свою пришли мне с самого начала, иначе я не могу поправлять. Надо так ее выгладить, чтоб уж ни сучка, ни задоринки». И 25 сентября 1877 г.: «Жду присыла рукописи твоей. Я бы теперь с особенным удовольствием занялся ею»¹¹. Возможно, что речь тут идет о повести Нелидовой «Полоса», которая была напечатана вскоре после смерти Слепцова, в 1879 г., в октябрьской книжке «Вестника Европы», в которой Тургеневу, еще не знавшему автора, почудилась «мужская рука»¹².

О книжке Нелидовой «Девочка Лида» Слепцов хотел написать большую статью. Отрывки ее сохранились и в бумагах писателя (ИРЛИ) и в бумагах Нелидовой: листки с началом статьи вложены в публикуемый «биографический очерк». По-видимому, Нелидова собиралась упомянуть об этой статье. Статья, однако, не удалась Слепцову. Восторженный отзыв о «Девочке Лиде», который он дал в начале знакомства с Нелидовой в письме к ней от 18 и 22 мая 1875 г. («Вся картина написана мастерски, подробности превосходны <...> У вас талант и, может быть, блестящий, я в этом *теперь* не сомневаюсь ни одной минуты. Мне очень хочется написать подробный разбор вашей прелестной „Девочки“»), был вызван, нужно полагать, не столько силой художественного впечатления от повести, сколько восторженным отношением к ее автору. «Ты не можешь себе представить, какое это наслаждение писать о тебе», — сообщал Слепцов Нелидовой, приступая к статье об ее повести¹³. Но написав вступление и передав содержание произведения, Слепцов, по-видимому, не нашел объективно справедливых слов для характеристики его. Статья осталась незаконченной; однако об этой книжке он сказал Некрасову, который пригласил весной 1875 г. Нелидову работать в «Отечественных записках» после прочтения ее книги¹⁴.

Слепцов радуется каждому проявлению самостоятельности любимой женщины, каждому новому качеству ее характера, свидетельствующему о преодолении эгоизма, условностей, традиций праздной светской среды: «Эгоисты лишены многих наслаждений» (22 мая 1875 г.); «Я убедился <...>, что ты понемногу стала входить во вкус полной откровенности, что ты наслаждаешься откровенностью <...>, что ты борешься с тем грубым эгоизмом, который в Петровско-Разумовском ты считала чуть ли недостойным, чуть ли не самой высшею своею добродетелью» (14 октября 1877 г.).

Он предупреждает ее от крайностей самопожертвования; осторожно, не насилуя ее желаний, знакомит с людьми «нового типа», например, с Боковым и с Л. Воронцовой¹⁵. Он направляет ее внимание на необходимость оказывать содействие другим женщинам, хотя бы сестре, в освобождении ее от семейного деспотизма: «Когда я читал твое письмо, мне сам собой пришел в голову вопрос: не лежит ли на тебе некоторая обязанность, чтобы освободить, а лучше сказать, помочь, помочь насколько можно и нужно?» (сентябрь 1876 г.)¹⁶.

Слепцов воспитывал в своей подруге то чувство ответственности за судьбы других людей, которым сам он обладал в высочайшей степени. Замечательны в этом отношении его письма от 15 и 16 февраля 1876 г. В них он передает Нелидовой о разговоре с ее отцом. Решительный разговор этот касался отношений Слепцова с Нелидовой: «В эти дни,— писал Слепцов,— заканчивается очень важное дело и начинается сейчас же другое, несравненно более важное. Я тут играю роль и тяжелую и в то же время необыкновенно серьезную; я произвожу поворот в твоей жизни и в своей, разумеется»¹⁷. Человеком большого сердца, ума и такта встает перед нами в этой сложной житейской истории Слепцов. Нелегко было в тех условиях построить отношения на полном доверии («Мне нужно, чтоб ты мне верила», «попробовать довериться друг другу совсем, совсем чистосердечно»), рассеять сомнения, оберечь чувство от внешних ненужных влияний, ввести в личную жизнь совершенно новые черты, лишенные мещанских традиций и мещанской добродетели.

Слепцов был убежден: чтобы построить семейные отношения на здоровой основе, чтобы лишить их мелочных недоразумений, раздражений и обид повседневности, нужно трудиться, «заняться, непременно заняться посторонним делом <...> Общим ли, или у каждого будет свое,— это все равно. Нужно только, чтобы оно было». Жизнь, время, поступки покажут человека лучше, чем его заверения, «длинные <...>, ни к чему ненужные рассуждения»¹⁸. За полгода до смерти Слепцов, пораженный своим мучительным недугом, писал Нелидовой: «Виноват я кругом <...> перед тобою пуще всего, и больше всего тем виноват, что я болен <...> Но, впрочем, ничего, я еще надеюсь» (25 сентября 1877 г.)¹⁹.

Выполнить долг «перед самой собой и перед его памятью» значило для Нелидовой (и для современного исследователя Слепцова) подчеркнуть в его творчестве, в его личности присущие писателю качества: жизнеутверждение, оптимизм, донесенный до последних дней жизни, любовь к людям, знание жизни, веру в будущее. Это и значит создать «живой образ» в противоположность тому унылому, непривлекательному образу Слепцова, который создавался в некрологах, статьях, романах, написанных не понимавшими или сознательно искажавшими его личность и творчество современниками²⁰.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ «Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 496.

² ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 271, лл. 83, 170 об.; ф. 479, оп. 1, ед. хр. 12, л. 15.

³ См., например, письмо Салтыкова-Щедрина к Слепцову от 26 апреля 1876 г.— Щ е д р и н, т. XIX, стр. 93; письмо Некрасова от 25 октября 1873 г.— Н е к р а с о в. Собр. соч., т. XII, М., 1952, стр. 274.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 15, л. 1.

⁵ Там же, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 272, л. 6.

⁶ Ср. в письме матери Слепцова к Нелидовой 1876 г.: «Я вполне уверена, что вы должны быть великолепной женщиной, если сумели сделать Васю вполне счастливым, каким я его никогда не видала» (ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 272, л. 1).

⁷ Письма Слепцова к Нелидовой уточняют некоторые факты биографии писателя и дают материал для новых разысканий. Так, в одном из писем конца 1875 г. встречается упоминание о сделанном Слепцову предложении переехать в Полтаву, чтобы заведывать там книжный магазин и издавать местную газету (ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 271, л. 55 об.). Ответные письма Нелидовой к Слепцову, по-видимому, были ею уничтожены. В ЦГАЛИ сохранилось лишь несколько записочек ее к писателю первых месяцев их знакомства (ф. 479, оп. 1, ед. хр. 5).

⁸ ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 271, лл. 70 об.—71.

⁹ См. письма Слепцова к Ф. Д. Нефедову и к Нелидовой, от мая 1875 г.— ЦГАЛИ, ф. 342, оп. 1, ед. хр. 110, лл. 1—2; ф. 331, оп. 1, ед. хр. 271, лл. 6, 51 об., 59, 64.

¹⁰ «Лит. наследство», т. 51-52, стр. 498.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 271, лл. 118, 174.

¹² В. М. С п а с с к а я. Некролог Л. Ф. Маклаковой-Нелидовой. — Там же, оп. 2, ед. хр. 5, л. 4.

¹³ Там же, оп. 1, ед. хр. 271, лл. 11 и 148.

¹⁴ Л. Н е л и д о в а. Встречи с Н. А. Некрасовым. — «Русское богатство», 1894, № 12, стр. 195—197.

¹⁵ *Любовь Егоровна Воронцова* (рожд. Коведяева) — большая приятельница Слепцова до последних дней его жизни (а затем подруга Нелидовой; в ЦГАЛИ хранятся ее письма к Нелидовой). Еще будучи гимназисткой, она, узнав об аресте и заключении в крепость Чернышевского, написала Александру II следующее письмо: «Государь! Будьте отцом ваших подданных — осыпайте одну из них и потом, если нужно, отнимите у ней жизнь. Но так как я не дорожу жизнью и лишение ее не будет для меня особенным наказанием, то предлагаю вам посадить меня в такую конуру, где бы я едва могла пошевелиться, морите меня голодом, лишите меня, наконец, моего единственного утешения, книг, делайте со мною все, что хотите, только спасите, спасите Чернышевского» (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 26). Александр II счел, что «просьба эта не заслуживает внимания», но пожелал узнать, «в каких она была отношениях с Чернышевским». Агент сообщил, что личных отношений у Коведяевой с Чернышевским не было, но что она начиталась произведений Чернышевского и что в ее квартире постоянно бывает молодежь, которая, по-видимому, обсуждает факт заключения Чернышевского в крепость (там же).

В ГИАЛО сохранилось дело с.-петербургского временного генерал-губернатора о жене врача, повивальной бабке Любови Егоровне Воронцовой (1880 г.), а в ЦГАОР — дело Департамента полиции о повивальной бабке Любови Егоровне Воронцовой (1896 г.). Из них мы узнаем, прежде всего, что в течение нескольких десятилетий Воронцова (Коведяева) находилась под «особым надзором полиции», узнаем и некоторые факты ее биографии: родилась в 1846 г., училась в Цюрихе, была «повивальной бабкой» в Серпуховском уезде, привлекалась к так называемому нечаевскому делу, имела «близкие отношения ко многим личностям, обвиняемым в государственных преступлениях, именно: к Лесевичу, высланному в Восточную Сибирь, Кадьяну (также высланному по политическому делу), Рачковскому, Шефферу (привлекавшимся по политическим делам), Орфанову (обвинявшемуся в политической неблагонадежности), Лидии (вероятно, Лидии Погожевой также привлекавшейся по политическому делу)» (ГИАЛО, ф. 2073, оп. 4, ед. хр. 4, л. 1). Воронцова окончила Бернский университет, получила звание доктора медицины. Живя в Берне в 1890—1892 гг., посещала семью Герцена (в Лозанне), семью эмигранта Аксельрода, «вошла в сношение с представителями нашей эмиграции и за последнее время приняла видное участие в революционной деятельности последних», что является «продолжением деятельности социалистов-революционеров 1879—1881 гг.» (ЦГАОР, ф. Департамента полиции, дело производство 3, д. 342, 1896 г., лл. 8, 11). В 1890-е гг. Воронцова жила в Тверской губернии, в обстановке, о которой, по ее словам (из письма к Аксельроду от 26 июля 1898 г., цит. в документе III Отделения), мечтала в Цюрихе: в простой избе, оказывая медицинскую помощь народу. Она с удовлетворением сообщает, что сын ее замешан в рабочем движении в Петербурге: «Сердце радуется, видя это новое поколение, уже с ранних лет поставившее себе осуществить серьезную и трудную задачу» (там же, л. 32).

¹⁶ ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 271, лл. 20, 159 об.—160, 173 об.—174.

¹⁷ Там же, лл. 96 об.—97.

¹⁸ Там же, лл. 54—55 об.

¹⁹ Там же, л. 147 об.

²⁰ Таким изображали Слепцова А. М. Скабичевский (за подписью «Заурядный читатель») в «Биржевых ведомостях» (1878, № 96, от 7 апреля — «Мысли по поводу текущей литературы») и аноним в газете «Голос» (1878, № 90, от 31 марта — «Внутренние новости») — авторы, с которыми полемизирует Нелидова в публикуемом биографическом очерке.

В А. СЛЕПЦОВ

(БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

1 октября 1880 г.

«Мертвый не без могилы, живой не без места».

«Мертвый в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий».

Таковы изречения — плоды житейской философии, и благо живущим, тем, которые могут остановиться на них, принять их и примириться с ними.

23 марта 1878 года после тяжелой болезни умер в городе Сердобске (Саратовской губернии) Василий Алексеевич Слепцов.

В ожидании подробного некролога, ввиду неточностей и ошибочных суждений, появившихся уже в печатных отзывах, позволительно будет сказать несколько слов человеку, ревниво желавшему уберечь дорогую память от несправедливых приговоров и от обидного, сильнее всякой несправедливости, неуклюжего или двусмысленного соболезнования.

Биографических сведений о В. А. не появилось почти никаких. Он родился в Воронеже в июле 1836 года, умер в Сердобске Саратовской губернии на 42-м году жизни.

Писать, сочинять начал он рано, ребенком, в гимназии и затем в Пензенском дворянском институте, где получил свое первоначальное образование; студентом на медицинском факультете Московского университета он писал фельетоны и статьи для различных московских изданий и наконец выступил в Петербурге в «Современнике» с «Письмами об Осташкове». Общеизвестная литературная деятельность его относится к шестидесятым и началу семидесятых годов. Последняя напечатанная им вещь осталась неоконченной*.

Болезнь, которою он страдал с небольшими перерывами пять лет, начиная с <18>73 года, заставила его уехать из Петербурга, путешествовать долгое время по Кавказу и по России; ему приходилось сталкиваться с огромным количеством интереснейших личностей; благодаря популярности, которую пользовалось его имя, и редкому, особенному таланту и умению сближаться и обходиться с людьми, удалось видетъся с самыми разнообразными представителями, с учащейся молодежью в университетских городах, которые он посещал; в наблюдениях, в интереснейших материалах не было недостатка, планы комедий, рассказов и романов рождались один блестящее и прекраснее других, и все схоронены, зарыты на Сердобском кладбище. Причины этому не те, на которые указал в «Биржевых ведомостях» г-н Заурядный читатель. Причина и глубже и проще.

Василий Алексеевич перестал писать не потому, что после горячей деятельности первой половины 60-х годов, после запрещения «Современника», внезапно почувствовал себя одиноким, лишенным друзей и единомышленников. Прежде всего это и не верно; потому что не было никакого одиночества в действительности; до последнего времени, до последнего года жизни Некрасова, Василий Алексеевич поддерживал с ним постоянные дружеские сношения; то же можно сказать и по отношению к покойному А. Ф. Головачеву, Щедрину и вообще редакции «Отечественных записок». И как-то странно для людей, близко знавших В. А., звучит сравнение этого так необыкновенно тонко понимавшего жизнь и людей, мужественного, полного жизни человека с чахлым цветком, увядающим немедленно, как только он лишился дружеского ободрения и помощи.

Действительность, как и всегда, грубее, но зато и проще. Первый удар здоровью Василия Алексеевича (помимо трудно переносимого им вообще петербургского климата) был нанесен заключением по делу 4 апреля 1866 г.; он был освобожден безо всяких ограничений; но вредные для здоровья последствия скоро обнаружились**; и с тех пор настоящим образом он уже не мог поправиться.

Само собою разумеется, что этим дело не могло ограничиться. Урок был свойства решительного, а нервная натура*** дополнила впечатление.

С этого времени начинается перелом в жизни Василия Алексеевича — продолжительный нравственный кризис, которому суждено было закончиться смертью.

В личной жизни его произошли перемены; он почувствовал себя спокойным и счастливым настолько, что к самой болезни своей относился с

* «Хороший человек». — Ред.

** Далее зачеркнуто: он вышел из тюрьмы оглохший, исхудалый, с отеком ног.

*** Далее зачеркнуто: с случайно совпавшими обстоятельствами личной жизни.

добродушным юмором и спокойной надеждой нравственно удовлетворенного человека.

— Только бы встать, а там писать, писать! Все хорошо... Какое время мы переживаем!

Все шло день ото дня к худшему. Писать было невозможно и вставать с каждым днем становилось труднее. Медленно и непрерывно болезнь делала свое дело. Острых страданий, болей не было, но постоянное недомогание, упадок сил заставляли лежать в постели и отражались на расположении духа.

СЛЕПЦОВ и Л. Ф. НЕЛИДОВА

Фотография, около 1876 г.

Литературный музей, Москва

Ни одно из появившихся литературных произведений, ни один из собственных планов уже не удовлетворяли его.

«Всё не то, не то! Если писать, так писать что-нибудь настоящее, такое, чтобы неизбежно органически вызывалось бы из данного положения вещей, воспроизводило бы его и, таким образом, выясняло его. Чтобы каждый, прочитавши, сказал: да это так, это верно и это непременно необходимо должно быть написано. А иначе не стоит...»

Под конец открылась скоротечная чахотка. Он умер смертью чахоточных, тихо, почти без страданий, до последней минуты мечтая о выздоровлении и не сознавая своего положения.

В кратком некрологе, помещенном в «Голосе», сказано: «жизнь его самого была некрасна...» Это не верно. Помимо последней болезни и отдельных неудач, это была в полном смысле слова блестящая жизнь, блеск и успех которой, вероятно, памятливы еще многим из жителей Петербурга... Кроме внешних счастливых данных и своего литературного таланта, В. А. обладал еще и другим талантом, он превосходно читал, и публичные чтения на литературных собраниях доставляли ему массу поклонников и самые восторженные овации.

Развившаяся с детства страсть к театру заставляла его браться несколько раз за устройство клубных спектаклей; одно время он усердно и серьезно занимался ими, думая организовать образцовую труппу для народного театра. По независящим обстоятельствам предприятие это не имело успеха, но постоянные сношения с театром и театральным миром не пропали даром, сделали из В. А. замечательного знатока сцены и сценических условий и режиссера замечательного, по мнению самых опытных артистов.

Последним из планов его был план комедии, сюжет которой отчасти напоминал «Последнюю жертву» Островского. Вообще он предполагал писать для театра.

Первое издание его сочинений давно разошлось; второе печатается и должно выйти в непродолжительном времени.

Его схоронили 26 марта на Сердобском городском кладбище. Было предположение перевезти его в Петербург в Новодевичий монастырь или на Волково кладбище, но дело не состоялось из-за недостатка средств.

Может быть к лучшему!

Так хороша маленькая, старинная серая церковь на кладбище, с зеленой крышей, с миниатюрным куполом, так просторна и удивительно хороша зеленая бесконечная степь, на много верст окружившая глухой городок...

«И пусть у гробового входа...»

Какой поразительный смысл, какая высокая поэзия!

Пусть!

Она потому так и хороша, так прекрасна природа, потому что равнодушна, не лезет в душу, а безмолвно прикладывает целящие руки к изболевшему сердцу, к измученной голове.

Схоронили, засыпали могилу, и на другой же день из-под свежей земли стала пробиваться молоденькая трава и развернула нежные, узорчатые листочки. Птицы налетели на кладбищенские ветлы. Место упокоения мертвых стало местом прогулки для живых. В этой поспешности, в этом горячем закипании жизни по свежим следам смерти есть что-то оскорбительное для личного чувства, но пусть... Пусть ходят любоваться могилкой, разубранной любящей рукой, пусть вокруг могилы сияет во всей весенней красоте привольная степь, а тому, для кого не осталось ничего, кроме этой могилы, тому следует замолчать и посторониться с дороги.

Лидия Н е л и д о в а

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 1—13.